

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга должна была быть написана хотя бы потому, что я нигде не видел ничего похожего. И это несмотря на то, что в ней идет речь о самом обычном — повседневной жизни. Но самое обычное скрывает тайну. Тайну, которую никто не видит. Эта тайна связывает повседневность с уже известными тайнами. Например, с тайной смерти — что мы делаем потом, после жизни, и делаем ли? Одни еще не задумывались над этим, другие махнули на это рукой, третьи упорно ищут ее разгадку: от биологической химии до мистики. Тавтология, что тайна смерти есть одновременно тайна жизни. Наука считает, что смерть запрограммирована в нас. Давайте продолжим этот тезис.

Пусть так, но тогда и жизнь тоже запрограммирована. Почему-то явно или неявно принимается, что только биологический уровень жизни запрограммирован. «Гордыня» человека оторвала его *Я* от биологического уровня. «Мы — свободно мыслящие существа», — говорим мы себе. Но так ли уж свободно? Обдумывание этого приводит в центр своего *Я*, и также — в центр многих мистических учений. И становится понятным, что мы стоим перед альтернативой: либо все в нас запрограммировано и тогда мы просто «роботы», либо с помощью своего разума можно себя распрограммировать. Но что значит себя? Какую часть себя? Может, и биологический уровень можно распрограммировать с помощью разума?

Понимание основных описываемых здесь идей, лежащее всегда глубже словесного уровня, стало ясным довольно быстро, но очевидная необходимость его выражения и согласования с жизнью слов приводила к постоянной его переработке, что заняло несколько лет.

Взаимоисключающие требования к изложению привели к тому, что основные части этой книги оказались где-то между естественнонаучной, философской и «аутотреннинговой» литературой.

Естественнонаучной — так как при написании я чувствовал всегда давление своей профессии, старался не впасть в мистику, быть максимально логичным и ясным, приводить примеры из науки. Однако математическая и даже физическая строгость остались невозможны-

ми, я бы сказал даже, они были бы вредны, так как увели бы далеко от существа дела и, будучи осуществлены, привели бы к неимоверному увеличению объема.

Что же касается философии, то основная моя цель была примирить «научную» философию с «мистической». И их обе — с философией повседневной жизни, нашим здравым смыслом. Идея цепочек позволяет легко понимать, переводя на наш язык, мистическую литературу. В качестве примера я выбрал Г.И. Гурджиева и П.Д. Успенского (поэтому я их цитирую чаще других). И начал читать их я просто для восполнения своей эрудиции. Однако при чтении я обнаружил, что легко понимаю их. Понимаю, что они хотели сказать, переводя их мысли на свой язык, и чрезвычайно быстро прочитал часть их работ.

Связь с аутотреннинговой литературой также будет очевидной — я сторонник философии для «сейчас», того, что философия должна служить базой для экспериментов со своим сознанием.

Предъявление нового глобального взгляда потребовало смелости — общепринято, что ученый должен заниматься своей узкой областью, а об остальных только в узком кругу (а на Западе — только в столовой) разговаривать.

Некоторые общие принципы

Это для тех нетерпеливых, кто хочет заглянуть вперед или знать все сразу.

В книге речь будет идти об иерархиях — истинных и ложных, естественных и противоестественных. Одни из них хорошо известны, другие — гораздо меньше. Вся наша жизнь пропитана ими. Они есть там, где мы даже о них не подозреваем. Без иерархий мир не мог бы существовать. Человек без иерархии ценностей продаст все за тридцать серебряников.

Простейшей из известных иерархий является иерархия общности. Так, цепочка: мой ангорский кот — ангорский кот — кот — семейство кошачьих — млекопитающие — живые организмы, дает пример такой иерархии. Иерархия общности принадлежит не только науке, но, в менее явном виде, постоянно отражается в языке, причем у разных народов по-разному.

Другой пример иерархий — шкалы. Например в физике: субатомная, молекулярная, астрономическая.

Хорошо известны социальные и общественные иерархии, управленческие и организационные структуры, Л.Н. Гумилев открыл для нас этнические иерархические структуры. Наука организована по иерархическому принципу, а значит, иерархична и та часть неживой и

живой природы, которую она описывает. Математика и логика иерархичны, а значит, иерархична и интеллектуальная, логическая, рассудочная часть нашего мышления. Однако в книге гораздо больше нас будет интересовать иерархическая структура нашего неформального мышления, наших чувств и ощущений, нашего поведения в жизни.

И тем не менее эта книга не об иерархиях — она о том, что в них является самым важным и единственно нужным. Это нечто и будет выявлено на разных примерах. Среди огромного разнообразия иерархий мы выделяем «существенные», связанные с «качественной» стороной явлений. Простые «количественные» иерархии нас интересовать не будут, несмотря на высказывание А. Уотса, что «каждый христианин и каждый иудей представляет себе вселенную как монархию», то есть как иерархию. Здесь мы будем говорить о субъективных иерархиях, которые плывут в индивидуальном времени каждого человека, которые надо не представлять, а ощущать и чувствовать. Логическое мышление и образы лишь немного будут помогать, не более того.

Основным (и, фактически, единственным) понятием всей книги является понятие цепочки (или структуры) качественной сложности. Это понятие становится явным из многих примеров.

Цепочка образована уровнями качественной сложности. Качественной сложностью называется длина цепочки. Уровень не имеет абсолютного смысла. Нельзя сказать, какой из них лучше или хуже, к ним неприменимы категории добра и зла. Уровни имеют смысл только когда речь идет об их развитии во времени, когда мы рассматриваем их в динамике. Важно лишь то, что переход на следующий уровень — неалгоритмическая задача, «качественно» сложная. Но мы всегда хотим сделать ее проще.

Нумерация уровней, иногда мы говорим о высоких и низких (или глубоких) уровнях, условна. Нет ни низа ни верха, ни лучшего ни худшего, есть только упорядоченность, прямой и обратный порядок не различаются. Тем не менее субъективно порядок часто различим: верхние слои — это те, которые вообще не могут без нижних, нижние же без верхних имеют короткую жизнь и чередуются, хаотически перемежаясь с низкими уровнями других цепочек.

Часто новые для нас уровни ассоциируются с большей энергией. На «высокий» уровень забраться трудно, но при этом достигается некоторая потенциальная энергия. Упасть с нового верхнего уровня на нижний легче, чем наоборот. Но потом подняться вверх так же сложно, как и до первого попадания туда, если только человек в этой своей цепочке не обладает соответствующей качественной сложностью: способностью быстро перемещаться с уровня на уровень. Это определенный вид энергии, отложенный и хранимый в индивидууме, что требует постоянных усилий. Он может аккумулироваться при попадании на

верхние уровни цепочки, но далеко не всегда. Забраться глубоко также сложно, и есть риск, что не выберешься обратно из ямы. Для этого должна быть оставлена энергия. Без такой оставленной энергии многие остаются или высоко на вершине или глубоко в яме на всю жизнь. Таким образом, качественная сложность определяется не тем, на каком вы уровне, а тем, по скольким уровням вы постоянно перемещаетесь. Нужна энергия и для осознанного перехода из одной цепочки в другую.

Длина цепочки также не имеет абсолютного смысла, имеет смысл говорить только о том, что одна цепочка содержит другую.

Качественная сложность сознания вещь субъективная, сознание обладает ею настолько, насколько эту сложность осознает (или не «спит» в смысле Гурджиева; но мое употребление слова «спит» сильно отличается от того, какое значение придают ему Гурджиев и Успенский).

Цепочки существуют в ансамблях, то есть мы рассматриваем цепочки как взаимодействующие между собой элементарные составляющие некоторой системы. Примеры ансамблей цепочек: индивидуум (точнее, множество всех цепочек в сознании индивидуума; в его подсознании; в более глубоких слоях личности), социум, этнос. Сознание индивидуума состоит из цепочек, как сам индивидуум может рассматриваться как система из молекул или из клеток. Но если уж говорить на языке физики, цепочки скорее нестационарные квазичастицы, которые возникают и исчезают.

Цепочки и их ансамбли охватывают все сферы жизни. Цепочки упрощаются и усложняются, исчезают и возникают, соединяются в структуры.

Развитие цепочек, то есть увеличение качественной сложности, требует энергии: недовольства собой (внутри индивидуума), терпимости и адаптации при взаимодействии с другими индивидуумами.

Но как и зачем развивать качественную сложность? На вопрос «зачем» книга отвечает так: потому что это и есть цель жизни. И доказывает это. Вопрос «как» значительно более сложен и подход здесь должен быть максимально индивидуален.

Философия для «сейчас»

Л.Н. Гумилев задает вопрос: «Рожденное живет и умирает, а сделанное переживает своих создателей... Но ведь люди живут на Земле не для того, чтобы создавать памятники для будущих археологов. Не так ли?» Да, но и не для наслаждений же? Конечно, чтобы оставить детей, для сохранения самой жизни. Но ведь не только для этого? Я хотел бы ответить на этот вопрос так: чтобы проявить (или развить)

всю ту качественную сложность, которая скрыта в нас. А яркая жизнь и есть это проявление или развитие качественной сложности. В нарисованной им картине всемирной истории сам Гумилев ставит (по крайней мере, эмоционально) в центр событий так называемых пассионарных личностей. Книга и служит призывом искать в себе качественную сложность.

Я не хотел бы, чтобы моя книга была просто абстрактной теорией, хотя и такие книги могут быть полезны. Как сказал Гете: «Мне ненавистно всякое знание, которое непосредственно не побуждает меня к действию и не оплодотворяет мою деятельность». Но, тем не менее, даже новый общий язык может оказаться полезным. Многие старые вещи совсем по-иному понимаются, если поговорить о них на другом языке. Например, Ницше раньше действовал на меня чисто эмоционально (между прочим и на многих других тоже, например, на Бертрана Рассела), не затрагивая логической части моего мышления. На новом же языке он совсем иначе воспринимается.

Вспомним, как его Заратустра говорил к народу: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что необходимо превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? ... Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. ... В человеке важно то, что он мост, а не цель... Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы некогда жил сверхчеловек...»

Много говорил Заратустра о таком стремлении к верхним слоям одной из цепочек качественной сложности. И многие так его и понимали, отсюда бессовестная критика ничего не понявших (и не читавших его) людей. Надо просто дальше посмотреть, всего на несколько страниц. Где он же говорил и другое: «Я заклинаю вас, мои братья, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет. Они презирают жизнь... Некогда смотрела душа на тело с презрением... Так думала она бежать от тела и от земли...»

Так он говорил о сохранении корней, стержня, основы. О сохранении простых и естественных основ жизни, о сохранении всей цепочки качественной сложности.

Но современной демократии несравненно ближе Кант, который писал: «Человек и вообще всякое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя... он всегда должен рассматриваться как цель». Оба великих мыслителя правы. На языке цепочек это означает: конечно, как считал Кант, каждый человек уникален как развивающаяся система цепочек, идущих каждая из своей вселенной. Но не застывшая система, а развивающаяся. Ницше же просто делал упор на развитие (грел развитие) качественной сложности.

А на другом конце планеты Вивекананда тоже это понимал: «Можно превратить каждый дом в стране в приют милосердия, можно построить страну больницами, и все же несчастья человека будут существовать, пока не изменится его природа... Идеал счастья означает прекращение борьбы между человеком и внешним миром, но это и означает конец жизни». На языке цепочек это будет значить, что никакими отдельными слоями цепочек не осчастливишь человечество. Человеку нужно все. И сейчас.

Но чтобы получить сейчас, казалось бы, грабь, воруи, обманывай, стравливай людей, играй с ними. К счастью, жизнь устроена так, что таким образом можно получить только то, что уже знаешь, тот уровень, какой уже имеешь, но невозможно получить никакой качественной сложности, ничего существенно нового. Увеличить качественную сложность можно только собственными усилиями и страданиями.

Чрезвычайно легко увлечься верхними слоями и забыть другие, презирая также других людей. Идеология фашистской Германии искала такие верхние слои в мистике: может в качестве реакции на презрение со стороны низких слоев — стандартной науки? Любая попытка уйти в верхние слои немедленно встречает адекватное противодействие глубоких слоев, и наоборот.

Шкала языка

Как сказано в одной из даосских книг: «Письмо не до конца выражает речь, как речь не до конца выражает мысль. Но если это так, то не были ли неизреченными до конца мысли совершенномудрых людей?» Правильно, что язык всегда несовершенен, но тем не менее для изложения автор должен выбрать некоторый язык. И здесь не такой уж большой выбор, если иметь в виду определенную цель.

Однако даже в математике существуют шкалы языков. От формальных (как в некоторых разделах математической логики), развернутых или почти формальных, как в некоторых старых разделах классической математики, до совсем не формальных, но тем не менее абсолютно строгих, как в некоторых областях, связанных с современными приложениями. К последнему типу языков надо просто привыкнуть или научиться им. Выбор шкалы языка, простирающейся от краткости и неточности до обстоятельности и скучных длиннот, зависит от многих причин, в том числе и от этнических. Компенсировать краткость и неточность можно красочностью, как это делают не только поэты и великие русские классики, как это мог делать Гумилев. Идущая же сейчас «компьютеризация» языка, набор клише из телевизора, кино (исключая редкие выдающиеся примеры) могут способствовать развитию образного мышления только одного уровня,

одной короткой цепочки (что и происходит, к большому сожалению). Отказ от таких клише в языке сейчас уже требует определенной смелости, а иногда он просто невозможен, если хочешь, чтобы тебя поняли. И тем большей смелости, чем больше ты претендуешь на научность: научный язык легче всего опрIMITИВЛИВАЕТСЯ под видом необходимости формализации.

Так же как для одних труден строгий язык — из-за необходимости длительной концентрации при долгом слежении за логикой в мелком масштабе, так и емкая краткость с необходимостью мгновенного восприятия нечеткого аргументирования недоступна для других, — трудно из нечеткого множества цельных ситуаций выделить нужную.

Язык этой книги — максимально краткий с научным оттенком. Казалось бы, лучше отказаться от научного налета и использовать притчи как более доступный для многих язык, что, собственно, многие и делали. Я думаю, однако, что недоступность науки и математического языка, в частности, создана искусственно, и связана скорее с громоздкой формализацией, чем с истинной природой научного мышления.

Самонаблюдение и самопознание

С качественной сложностью конкретной цепочки надо либо родиться, либо развить ее в себе. Второе можно сделать только с помощью самоанализа. Самоанализ начинается с обычного логического мышления, но только выведенного из жестких рамок какой-то школы. Без пунктуальных доказательств, так как они просто невозможны. Но все-таки следя за отсутствием противоречий на уровне здравого смысла.

Что же должно явиться объектом размышлений нашего разума? Наше собственное сознание! А для наблюдения структур в своем сознании необходимо самонаблюдение и самовспоминание.

Самонаблюдение, самопознание и размышления о них существовали всегда.

Марк Аврелий был римским императором, воевал, времени у него было мало, и тем не менее он занимался этим: «Свойства разумной души: самое себя видит, себя расчленяет, делает себя такой, какой хочет, плод свой сама же пожиная», — и призывал наблюдать «движения собственных мыслей». Что же он имел в виду и зачем он это делал, если почти через 2000 лет после него становится общепризнанным, что ты тем счастливее, чем меньше наблюдаешь движения собственных мыслей?

А еще раньше над входом в храм Аполлона в Дельфах было написано: «ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ!» И Сократ сокрушался все время, что никак не может познать самого себя.

Гурджиев: «Первая причина внутреннего рабства человека — ... незнание самого себя... Вот почему во всех древних учениях первым требованием в начале пути к освобождению было правило: ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ!.. Эти слова, обыкновенно приписываемые Сократу, на деле лежат в основе многих систем и школ, гораздо более древних...»

Все религии говорят об этом. Новый Завет: «Царство Божие внутри вас есть». Ислам: «Кто познает себя — тот познает Бога».

Веданта: «Самопознание есть истинная суть жизни». Кроме того, в Ведах и позднее в Упанишадах самопознание не отделялось от познания Космоса.

Мэн-цзы: «Тот, кто до конца использует свои умственные способности, тот познает свою природу. Кто познает свою природу, тот познает небо... Все вещи находятся в нас. Нет большей радости, чем при самопостижении обнаружить искренность». Добраться до искренности означает не врать хотя бы самому себе.

Лао-Цзы говорил, что «не выходя за ворота можно знать о делах Поднебесной».

Суфии полагали, что организм, такой же сложный, как и Вселенная, может раскрыть, путем самопознания и самосовершенствования, более тонкие виды бытия. Ибн-Гебироль: «Так как разумная часть — самая лучшая из частей человека, то он в первую очередь должен стремиться к познанию. Он должен больше всего стремиться к познанию самого себя, дабы таким образом достигнуть познания других вещей, помимо самого себя, ибо он сам, то есть его сущность, объемлет другие вещи и проникает в них...» Самопознание уравнивает внутренний и внешний мир, оно говорит, что внутренний мир ничуть не беднее внешнего.

А Гегель вообще считал: «Всякая деятельность духа есть... только постижение им самого себя, и цель всякой истинной науки состоит только в том, что дух во всем... познает самого себя», — но полагал самопознание в обычном смысле, исследование собственных слабостей, не имеющих общефилософского значения и значимым только для отдельного человека. А нам-то как раз и нужно об отдельном человеке поговорить.

«И, наконец, разве понимание себя и своего места в мире — только средство для добывания денег? Нет, для многих достойных уважения людей это цель!» (Гумилев).

Однако были и есть и противоположные высказывания: как правило, в обществе не поощрялось «самокопание», так как оно расслабляло энергию, направленную на созидание (низких уровней), на авральный коллективный труд, на войну и т. д., оно бичевалось коммунистами. Оно затрудняло управление массой и коллективом, рождало подлинно независимых личностей. Сейчас оно везде заби-

вается телевидением, прессой, компьютерными играми и... (например, в России) борьбой за кусок хлеба.

Но и на почти социалистическом Западе, даже те люди, которым обеспечена жизнь до старости с гораздо большими радостями, чем кусок хлеба, не очень-то стремятся к самопознанию.

Даже Кант, совершенно справедливо подчеркивая привлекательность людей с естественностью манер, с некоторой неприязнью писал, что наблюдение самого себя, то есть «методическое сопоставление восприятий, получаемых от нас самих... легко приводит к фантазерству и помешательству», высказывая «предостережение не слишком увлекаться выведыванием и как бы преднамеренным сопоставлением внутренней истории произвольного хода своих мыслей и чувств. Вполне достойно размышления, а для логики и метафизики необходимо и полезно наблюдать в себе различные акты способности представления, когда мы сами их вызываем. Но пытаться подслушивать их, когда они **без зова сами собой** появляются в душе... — это извращение естественного порядка, так как в этом случае принципы мышления не предшествуют нашим представлениям, а следуют за ними,— это извращение естественного порядка в познавательной способности и представляет или уже созревшую душевную болезнь или расположение к такой болезни, которая приводит в дома умалишенных». В этом высказывании Канта есть ключ к разгадке его личности: он абсолютизировал не только введенные им самим принципы мышления, но и то, что появлялось без зова в его душе... и не хотел идти дальше, лелеял, повторял и делал это длинным, скучным и строгим (на том уровне строгости, на каком это было возможно в его время). И, как оказалось, выразил сущность грядущей алгоритмизации общества.

Тем не менее обе стороны правы. Первые — потому что если нет интуиции, если не дано от рождения, то единственная надежда достигнуть чего-то большего — на обычный разум. Вторые имеют в виду, что при изучении живых явлений сухим разумом живое сохнет, от фиксирования внимания на мелочах появляется противоестественное напряжение. Но против вторых есть контраргумент — просто это значит, что высшие уровни цепочки нельзя изучать с помощью низших (тогда и не засохнет), средства должны быть адекватны. В частности, научная строгость часто противопоказана.

Однако первые более правы, но как сказал Гурджиев, «самонаблюдение очень трудно». А для самопознания самонаблюдение очевидно необходимо. Повернуть свое сознание внутрь (правильным образом!) очень трудно и (подобно цитате из Канта) очень опасно, особенно если тебя с детства учили противоположному.

Надо иметь в виду и то, что часто у одного автора высказывания на эту тему противоречивы. Так, Кришнамурти в книге 2 «Проблем жиз-

ни» пишет: «Самосовершенствование — это, в сущности, проявление посредственности... все это замкнутый в себе процесс, каким бы широким он ни казался» (стр. 443, [21]). В книге 3 «Проблем жизни» Кришнамурти более четко предупреждает против самогипноза, вызывающего видения: «...без осознания себя, что само по себе является медитацией, всякая медитация — это всего лишь процесс самогипноза, это проекция собственной мысли и желания» (стр. 12). Фактически Кришнамурти нас предупреждает о возможности самообмана, что можно легко пойти не туда, следуя путем самоанализа и самосовершенствования. И объясняет, что он понимает под самосовершенствованием. А в другом месте: «...продолжайте наблюдать за процессом вашей собственной мысли. ... Продолжайте пассивно наблюдать за ней, и пусть истина того, что вы наблюдаете, раскроется сама» (стр. 235). Разрешение этого противоречия очевидно из понятия цепочки: есть совершенствование и закрепление одного уровня и есть создание качественной сложности, и это совсем разные вещи.

Таким образом, высказываний много, и книги есть. Но я не мог найти всесторонних трактатов ни о самопознании, ни о самонаблюдении. Однако отдельные стороны имеются в самых разных системах. Среди них выделяются Гурджиев, раджа-йога, гештальттерапия и т. д. Часть из этих систем требует почти полного отказа от стиля современной жизни. Другие, как Гурджиев, вполне разрешают участвовать в современной жизни, но, очевидно, наполовину в роли сторонних наблюдателей. Главный труд Гурджиева «Сказки Вельзевула для своего внука» имеет первой целью дать читателю ощущение бессмысленности общества, как оно сейчас есть. В этой книге я, наоборот, говорю об осмысленности КАЖДОЙ существующей цепочки, но только... если эту цепочку развивать.

Хочу здесь же подчеркнуть, что мой акцент прежде всего на так называемой «нормальной» личности в отличие, например, от психоанализа, который ставит себе в заслугу прежде всего лечение и предупреждение нервных и психических отклонений. Но не надо обольщать себя, что кто-то из нас далек от психических отклонений.

Конечно, самопознание в неявном виде проскальзывает везде, где говорится о познании. Да и что такое самопознание вообще и чем оно отличается от просто познания? Мы хотим показать, что основная цель самопознания — анализ своих цепочек качественной сложности.

То самонаблюдение, о котором идет речь во многих книгах, есть простейший анализ своих мыслей, часто занудный и бесполезный. В последнем случае вам скажут презрительно: занимается самокопанием. В чем же объявляется цель такого самоанализа? Ответ обычно таков: улучшить свои ощущения, улучшить свои возможности, почувствовать свое единство с другими людьми. Но трудно понять, что значит «улучшить». Какая же все-таки от самонаблюдения польза?

Отвечают еще и так: «Ну, даже та, чтобы понять, что часто ты просто гредишь, воображаешь самого себя в несуществующих ситуациях». И это совершенно правильно, потому что даже осознать, что ты пьешь грезы, как наркотик, бывает трудно. Простейший анализ может часто помочь преодолеть мнительность, подозрительность, надуманный страх. Полезно поймать себя на «мысленных разговорах» с кем-то, если эти «разговоры» не переплавляются в настоящие разговоры, если вы никогда не реализуете их. Хотя кто знает, может когда-нибудь... Но все-таки лучше сделать волевой акт самонаблюдения.

Это самые азы, и далее в книге мы совсем по-другому подойдем к самонаблюдению. Надо сказать, что и в классической психологии метод «интроспекции» был существенно использован у Вундта, в его школе наблюдения своих ощущений (но не своего поведения во времени!), причем этому специально учили. Мы же пишем об интроспекции своего поведения в разных шкалах времени.

Но, как могут сказать, не надо лезть не в свою область, ведь есть же целая наука, психология. Однако полезно вспомнить, что писал еще Честертон о психологах: «Это люди, которые, если речь заходит о море, говорят только о морской болезни». Есть идеал «нормальности», отходить от которого и анализировать который запрещено правилами психологии. Цепочки качественной сложности не просто помогают самоанализу, они необходимы для самоанализа нормального человека. Не принято, конечно, говорить нормальным людям о необходимости самоанализа, чтобы не получить ответ: «Уж себя-то я знаю!»

Но не будем лукавить, призывая заниматься самоанализом только отдельных людей. Конрад Лоренц высказывается очень откровенно: «Человечество препятствует самооценке всеми средствами; и поистине уместно призвать его к смирению — и всерьез попытаться взорвать эти каналы чванства на пути к самопознанию».

Есть много людей, которые искренно чувствуют влечение к науке, но не смогли достичь в ней профессионального уровня. Они могли бы вместо «объективной» науки изучать самого себя; сколько открытий они могли бы сделать в своей Вселенной. Была и есть группа людей, «наблюдающих» за собой во время приема наркотиков, есть и книги, описывающие эти ощущения. В отличие от этого, я говорю здесь о прямо противоположном пути. Пути использования повседневной жизни, той самой обыденной скучной повседневности, с которой не знаешь что и делать, кроме как чтобы она поскорее прошла. Но не спешите, остановите время! Наблюдайте себя без всяких горячительных средств, не в новых мирах, а в этом самом мире, в котором так много нам дорогого.

СТОП!!! Когда книга была уже почти готова, я прочитал сильно написанную книгу В.А. Кутырева [73], профессора философии из Нижнего Новгорода. И был удивлен до глубины души: оказалось, что слова Сократа о самопознании можно понять совсем по-другому. А я-то был уверен в их единственно возможном понимании: познание себя САМОГО, а не познание абстрактного человека вообще. Хотя эти вещи и тесно связаны, но разница громадна. В.А. Кутырев подразумевает под самопознанием изучение структуры молекул ДНК физико-химическими методами, компьютерное моделирование психики и т. д. То есть познание человека ОБЫЧНЫМИ научными средствами. И громит такое «самопознание». Странно, гуманный философ, а познание для него есть прежде всего научное познание. Да и вся книга, несмотря на погром науки, проникнута суеверным страхом, трепетом перед наукой. Философ считает, что наука ВСЕСИЛЬНА или скоро будет всесильной. И поэтому всех-всех, кто только упоминает о науке, он зачисляет в ретрограды.

Но успокойтесь: многие, работающие в конкретной науке, знают, что наука, наоборот, БЕССИЛЬНА: она может убить, спустить на низкие уровни, но не может оживить, поднять. Основные проблемы человека не были даже затронуты наукой, они были и остаются. Увлечение алгоритмической наукой опасно (и здесь я полностью согласен с Кутыревым), но не бесполезно. Не надо создавать союз философии с религией против науки, все эти уважаемые вещи должны быть равноправны.

Так вот, я думаю, Сократ собирался познавать прежде всего самого себя, так как он не считал, что все люди одинаковы, как роботы. Да и многие другие считали, что прежде чем познавать других и внешний мир, надо познать себя самого. И значит, средства для этого у него были совсем не такие, как у Аристотеля, у которого они годились только для познания всех людей вообще. А значит, никуда не годились. Вот о таком самопознании здесь и будет идти речь. Что, впрочем, совсем не отвергает науку: там, где она уместна, она должна быть.

А на языке цепочек это будет означать, что познавать надо адекватными средствами. Отсюда и ответ на возможный упрек в эгоизме, познающем только себя: что бы вы сказали, если бы астрономы, не зная еще своей Солнечной системы, устремились познавать другие Вселенные, все сразу, в полной общности?

Самосовершенствование и саморазвитие

Но зачем изучать цепочки в своем сознании? Для самосовершенствования? Но что это такое? Здесь слово «само» не исключает учителей, но требует самоконтроля своих цепочек при обучении.

Самосовершенствование может быть тривиальным — просто чему-нибудь научиться. Это часто бесконечный количественный процесс, который кончается обычно потерей особого интереса к нему. О самосовершенствовании исписаны горы книг: не то, что о самоанализе. Это как реклама, как таблетка, как набор простых упражнений с гарантией. Не думайте, не чувствуйте — делайте, что вам скажут, и все будет хорошо. С нашей точки зрения, такое самосовершенствование просто бессмысленно. Разве что если хотите быть натасканным роботом. Главная цель тогда не совершенство само по себе, а нечто другое — то, чего можно с его помощью достичь. Например, деньги. Далеко не всякое «самосовершенствование» полезно, часто оно не нужно и даже вредно. Но оно безусловно полезно, если речь идет о совершенствовании качественной сложности.

Идея развития присутствует, например, и в фантастических романах. Однако, в большинстве случаев речь идет о том развитии, которое мы называем здесь количественным: больше, быстрее, точнее, мощнее и т. д. Правда, за количественным прогрессом часто скрыт и качественный, но вот мы и хотим главное внимание обратить на эту скрытую сторону.

В разных философских системах и религиях саморазвитие понимается совсем по-разному, по-разному понимается цель жизни. Но сама идея самосовершенствования есть во всех религиях и учениях. Полезно снова заняться цитатами.

Даосизм: «Бессмысленно печься о мировых проблемах, если не можешь разобраться со своими».

Вивекананда: «Каждая из йогов предназначена для того, чтобы сделать человека совершенным».

Библия: «Будьте совершенны как Отец ваш Небесный».

Выбор цели жизни определяет направление желания совершенствоваться. Вся книга этому и будет посвящена.

Помимо того самосовершенствования, которое определяется целью самой жизни, есть и менее возвышенная цель: самость. Проявление самости, характера, всегда вызывало уважение. Кант пишет: «...главное не то, что делает из человека природа, а то, что он сам делает из себя... Все другие... свойства человека имеют цену, при которой возможен обмен на другие... характер имеет внутреннюю ценность, которая выше всякой цены». Однако самость часто вступает в конфликт с благоговением. А уж самая крайность здесь, когда путают самость с наглостью. И наоборот, для многих начальников в России самостоятельность, независимость подчиненного и есть наглость. Но часто их действительно трудно различить: опять же анализ цепочек помогает.

Мы и разбираемся с самостью в самом начале книги. А самосовершенствование понимаем в смысле развития качественной сложности теми методами, о которых идет речь в этой книге.

Защита от себя

Внутри каждого спят неразбуженные возможности развития, но есть и «защитные» механизмы, делающие все, чтобы эти наши силы никогда не пробудились. И бдительнее всего охраняется сон качественной сложности.

Одной из основных причин человеческих бед является излишняя защита стиля своей жизни, или, как мы потом скажем, своих цепочек. Одно из проявлений этого есть **НЕТЕРПИМОСТЬ** многих видеть в своем окружении людей, которые ведут себя «не так». Например, тех, которые имеют слои каких-либо цепочек, каких нет у самого: нравственных, профессиональных, энергетических. Поэтому, например, люди стремятся быть в окружении себе подобных, а будучи у власти набирают себе окружение ниже себя. Их ученики снижают уровень руководства еще ниже. О самосовершенствовании здесь, конечно, и речи быть не может. Примеров такого руководства тьма, противоположные примеры редки, но есть. Снизу люди тоже не хотят видеть живой укор наверху. Лучше даже, когда наверху демагог. И дело не в том, что люди боятся, что их будут заставлять работать. Нет, простой, тяжелый труд их не очень пугает. Пугает то, что будет что-то такое, чего они понять не смогут. Страх перед неизвестным. Плохо? Подождите с выводами.

Но что интересно, так это то, что высокие профессионалы также не любят общаться со слабыми, любят только сильных учеников. Дело доходит даже до пренебрежения — особенно в разговорах между собой. Так что есть полная симметрия. Казалось бы: зачем профессионалу учить неспособных? И не надо ему, чтобы все его понимали, достаточно узкого круга своих, а остальные просто статисты. Согласно они играть роль статистов — хорошо, нет — ну и бог с ними. Нормально? Опять подождем с выводами. Потому что вот что странно: ту же черту мы видим и у администраторов, и у политиков: общаться только со своими и лишь иногда снисходить «до народа». А уж этим-то, казалось бы, какими такими своими талантами гордиться? На самом деле у ученых, артистов, политиков и т. д. то же самое явление — отсутствие качественной сложности в цепочке. Достиг вершин — как не хочется обратно спускаться; сидишь внизу на уровне простого здравого смысла — зачем мне остальная заумь? И это уже приговор — социальные цепочки, о которых мы будем говорить, начинают рваться. Возникает отталкивание или даже ненависть между людьми, стоящими на разных концах цепочек.

Но почему так редко желание самосовершенствоваться? Привитая с детства безысходность, отсутствие желания терпеть и страдать, привычка к слепому копированию? Это связано также и с отсутствием

особого чувства, называемого благоговением. Отсюда девальвация сейчас понятия учителя, отсутствие понимания, что люди различны не только в мелких нюансах, в деталях владения профессией, в физических стандартах, но различны более глобально. Об этом избегают говорить и писать. Для прессы это полностью запрещенная тема: могут обвинить в расизме, презрении к людям и во всех остальных смертных грехах. Для нее только убийцы отличны от остальных, а так все одинаково, только в деталях есть различие: «Один предпочитает серый Мерседес, а другой белую БМВ». Да и слово «разум» магическое. Можно говорить о своих собственных болезнях, даже своих физических недостатках, но часто ли вы слышите, чтобы кто-то жаловался на свою неразумность? Могут сказать, что понимание этого может лишь привить комплекс неполноценности. Да, но комплекс неполноценности — не самое плохое. Зато появится желание превзойти других реально, а не убеждая себя, что разница небольшая и несущественная, или что ее нет вообще. Те, кто боится об этом говорить, пытаются убедить себя и других в своем превосходстве, заталкивая свои смутные сомнения глубже в подсознание. Но гораздо честнее думать, что я сейчас на более низком уровне одной из цепочек разума, но с течением времени (может, довольно длинного) могу встать выше. Так что выбирайте. Или расслабляющее чувство самоудовлетворенности, или изменение ощущения времени: жить не настоящей минутой. Третьего не дано.

Но главное не это — а то, что надо снять с логического разума печать обязательного атрибута человека: чувствующий человек не хуже думающего. И я не знаю другого способа это сделать, как только с помощью анализа цепочек. Цепочки, связанные с каким-то конкретным разумом (а другого, абстрактного, просто нет), ничем не выделяются среди многих других.

Самое плохое, если тебя уже плохо обучили и ты обо всем имеешь свое постоянное мнение. Рам Дасс (другое имя профессора Алперта, изгнанного из Гарварда за эксперименты с приемом ЛСД): «Когда карманный вор видит святого, он не замечает ничего кроме его карманов». Каждый с большим удовольствием анализирует структуру глупости ниже себя, чем структуру ума выше себя. Невозможно увидеть качественную сложность большую, чем имеешь. Но можно ее почувствовать. Это ощущение и называется благоговением (не надо путать с раболепием). А для этого тонкость ощущений надо развивать.

Вот такое замечательное слово было в русском языке — благоговение. Это не просто уважение. Это нечто существенно большее, это понимание отсутствия чего-то у себя и желание стать большим, чем ты есть. Благоговение к тому, чего еще не понимаешь. А кто сейчас к книге испытывает благоговение? Да и где вообще можно это слово слышать?

Можно сравнивать отдельные цепочки у разных людей, но не надо даже пытаться сравнивать «общую качественную сложность» двух РАЗНЫХ личностей. Такого понятия, «общая качественная сложность», просто не существует. И вообще, качественная сложность — субъективное понятие и судить о своей может только сама личность. Любые попытки измерять ее и сравнивать у разных личностей приведут к очередной фальсификации. Качественная сложность не имеет ничего общего со спортом, и черных поясов в ней быть не может. Это очень важно!

Немного о сложности

Досчитать до десяти легко, до миллиона длинно и скучно. Иногда говорят, что сложно. Но в действительности не сложно, просто надо иметь терпение. А вот летать человеку самому действительно сложно, если не невозможно. Так что есть два типа сложности: на преодоление первого надо просто терпение, большее или меньшее. Для второго — надо что-то совсем другое. На грани невозможного: надо сделать качественный скачок. А перед этим необходимо хотя бы поверить в его возможность.

Условимся о словах. В первом случае будем говорить о количественной сложности, во втором — о качественной. Так вот: может быть, количественная сложность — это когда для нее достаточно терпения, а для качественной нужен скачок в сознании? Тогда получается, что постепенной (непрерывной) эволюцией прийти к качественной сложности невозможно. Если количество и может перейти в качество, то очень редко. То есть, качественная сложность, в отличие от количественной, где можно плавно варьировать количество терпения, дискретна и скачкообразна.

Но вот такая трудность, терпение вещь сугубо субъективная: одни могут сильно терпеть, другие слабо. И иногда надо пострадать, чтобы дотерпеть. А для качественного скачка надо быть смелым, да и пострадать прилично. Так что может статься, что одному скачок сделать можно играючи, а другому просто невозможно. Третий же и верить в возможность скачка не хочет. То есть, различие весьма субъективно. Но не всегда. Есть что-то общее для многих людей. И не только в индивидуальных цепочках. Возникающий скачок сложности можно видеть по взрывам публикаций в какой-то области науки, по зарождению новых, целиком захватывающих чувств, по частоте событий в периоды истории, когда происходит рождение этносов.

Мы обычно хотим видеть сложность также там, где все перемешано в кучу. Наш взгляд скользит по этой мешанине, не выделяя сначала ничего особенного, просто перебирая мысленно эту самую кучу, как при счете до миллиона. Мы чувствуем, однако, что в этой куче может

быть и нечто более интересное, качественное. Вот этой кучей и будет для нас наша собственная жизнь и мы поищем в ней «моменты истины».

Наука и мистика

Несоизмеримость Наука и мистика несоизмеримы. Если читать эзотерическую литературу с точки зрения науки, она кажется абсурдом. Если понимать научную литературу с точки зрения мистической, возникает ощущение, что речь идет о чем-то совсем обыденном, скучном, плоском, узком, неинтересном. Эзотеризм объявляет науку низкой, примитивной ступенью материализма, наука отвечает — эзотеризм это просто фантазии, часто больные. Первая однозначна, вторая — многозначна. Два разных мира, крутящихся рядом, не сливающихся и даже несовместимых. Единовременно можно находиться в только одном из них, совсем как в соотношении неопределенностей квантовой механики.

Инструменты познания тоже совсем разные. В науке — через глаза, чувства в нормальном состоянии с применением приборов, через точные логические схемы. В мистике — через воображение, чувства в специальных состояниях, через самонаблюдение с неоднозначной трактовкой, через расплывчатые и интуитивные схемы.

Много пишут, что давным-давно эти два мира, как восприятия, были едины, были звеньями одной цепочки. Затем произошел ее разрыв: одна из центральных тем эзотерической литературы есть версия об утере мистического знания. Естественные науки стали принимать нечеловеческие черты: формализм, необходимость сильной, крайне односторонней концентрации. И сейчас каждый «умеет» формально мыслить уже после прочтения нескольких элементарных учебников, после чего прекращает свое развитие и только производит статьи. Это «развитие» и считается нормой теперешней науки. Между тем, в прошлом было не так: например, алхимия имела основной целью не преобразование природы, а преобразование самого алхимика.

Таким образом, цепочка, связывающая науку и мистику, если она есть, разорвана. Еще Р. Бэкон писал: «...одни отрицают все необычное, — а другие, выходя за пределы разума, впадают в магию».

Кроме того, сближение науки и мистики есть требование момента: видимый крах науки в СССР связан не только с действиями политиков, он отражает спад интереса к науке во всем мире, как раздробление самой науки, так и крайнее сужение большинства работающих в ней. А в мистике мы видим: взрывоопасный рост числа опасных сект, шарлатанства, делания денег. Но видим и искренний, бескорыстный к ней интерес.

С другой стороны, наука сейчас на спаде во всем мире, только соединение ее с психологией может помочь.

Точки

соприкосновения

Однако и не вся наука одинаково точна. Геология и лингвистика — это не математика. И самые их главные принципы далеко не математические. Даже физика во многом интуитивна. И в самой математике идет борьба между более и менее интуитивным мышлением. А о психологии сказал ее классик, Карл Юнг: «Нельзя, конечно, требовать, чтобы наблюдатель смотрел только объективно — это невозможно. Надо удовлетворяться уже тем, если он смотрит не слишком субъективно».

Поэтому, разобравшись в нечеткой логике науки, можно увидеть насколько есть и в мистике своя логика. А если включить в число законных научных приборов не только глаза, уши, логическое мышление, но и ощущения, то понятие эксперимента можно и в мистику ввести. В конце концов, ведь именно наши чувства и ощущения есть наиболее интересная для нас живая жизнь. Так почему же мы их так искусно и искусственно отделили от точного знания?

Точки соприкосновения между мистикой и наукой видны везде. Так, бихевиоризм и интроспекция, являющиеся областями психологии, с одной стороны, занимаются самопознанием человека, а с другой стороны, и мистика этому уделяет внимание. Таким образом, территория и задачи общие, а разница между ними в применяемых методах, более объективных или более субъективных. Можно ли создать экспериментальную науку, где нет измерительных приборов, где их роль играют наши субъективные ощущения, наша рефлексия, наше наблюдение над собой? Здесь и делается такая попытка.

Предупреждение

Читатель может воспринимать написанное по-разному, в зависимости от своего вкуса: от перевода на новый язык известных ему слов и явлений до руководства к действию. Этот язык и механизмы, которые раскрываются и делаются доступными на этом языке, довольно универсальны и, таким образом, цель этой книги — развить этот новый язык. Число рассматриваемых примеров ограничено только объемом книги.

Мы не даем здесь ни рецептов рационального питания, ни алгоритмов того, как добиться успеха, ни методов аутотренинга, ни упражнений на развитие дыхания, ни другого подобного. Каждый должен их придумать для себя, основываясь на анализе своих цепочек и используя, возможно, другие книги, которых избыток. Потому что все эти приемы, методы, алгоритмы не могут быть серийными, не должны быть постоянными во времени, но максимально индивидуальными. Они требуют мгновенной импровизации, хорошего

знания и чувства самого себя. И мы объясняем, как их придумывать для себя.

Заниматься самому, используя эту книгу, можно только имея в виду следующие два обстоятельства: вы идете против «своей природы» и построение некоторых верхних или нижних уровней может привести к неконтролируемым состояниям; если вы уже чего-то добились, нельзя останавливаться, некоторые старые цепочки могут резко усилиться и может начаться быстрая деградация. Этим вы можете подстегнуть некоторые отрицательные, но вяло текущие в вас процессы. Получить инструкцию, помощь, совет вам будет не от кого: вы остаетесь один, наедине с самим собой, еще более одиноким.

О плане книги

Цепочки есть везде и всюду, и я постарался многого коснуться — сначала подробно, в конце — совсем кратко. Книга же есть отражение автора. Она более подробна в начале, и именно там надо ее понять. И значительно менее подробна в конце.

Эту книгу нельзя читать с любого места — это не суфийские притчи и не Кришнамурти; последовательность глав отражает постепенное описание глобальной структуры. В частности, не поняв главы 1, бесполезно продолжать. Глава 2 есть просто развитие главы 1. В главе 3 мы сделали краткую экскурсию к нескольким известным философам, чтобы посмотреть на их цепочки.

Конечно, я не мог оставить без цепочек и современную науку, чтобы не подумали, что наука обходится без них. Однако соответствующая глава 4 очень краткая и конспективная. Ее не следует даже пробовать читать тем, кто плохо знает математику.

Глава 5 — следующая центральная глава после главы 1. Ее можно читать сразу после главы 1. В ней много неожиданно нового: шкалы, две эннеграммы и другое.

В главе 6 много разных примеров того, что мы узнали ранее.

Остальные главы — о развитии. Глава 7 касается «обычных» методов развития. Глава 8 — о пути эксперимента и о цепочке, соединяющей жизнь со смертью.